

**МАНИПУЛЯЦИЯ
СОЗНАНИЕМ**

**СЕРГЕЙ
КАРА-
МУРЗА**

**МАНИПУЛЯЦИЯ
СОЗНАНИЕМ.
ВЕК XXI**

Сергей Георгиевич Кара-Мурза
Манипуляция
сознанием. Век XXI
Серия «Манипуляция
сознанием (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9746037

Сергей Кара-Мурз. Манипуляция сознанием. Век XXI: «ТД Алгоритм»;

Москва; 2015

ISBN 978-5-9905288-5-7

Аннотация

Книга является переработанным и дополненным юбилейным изданием знаменитого труда Сергея Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием», общий тираж которого достиг 50 000 экземпляров. Сергей Георгиевич выявляет устройство всей системы манипуляции общественным сознанием – как технологии господства властной элиты. Для России переход к этому новому типу власти означал бы смену культуры, мышления, языка, слом самих основ традиционного общества. В книге подробно описаны главные блоки манипулирования и причины особой уязвимости русского сознания. Принять новый тип власти над человеком или строить защиту от манипуляций – вопрос не только выбора

исторической судьбы, но самого выживания русского народа.
Книга рассчитана на массового читателя.

Содержание

Введение	6
Раздел I. Сущность и доктрины Манипуляции сознанием	11
Глава 1. О чем идет речь	11
Глава 2. «Анатомия и физиология» манипуляции сознанием	19
Глава 3. Демократия, тоталитаризм и манипуляция сознанием	48
Глава 4. Основные доктрины манипуляции сознанием	77
§ 1. Технология манипуляции как закрытое знание	77
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Сергей Кара-Мурза

Манипуляция

сознанием. Век XXI

© С.Г. Кара-Мурза, 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Введение

Эта книга – не руководство по практике манипулирования сознанием и не наставление по защите от манипуляции («самообороне без оружия»). Она носит скорее не технологический, а *методологический* характер. Главная цель книги – дать материал для того, чтобы каждый мог задуматься над тем выбором, перед которым сегодня стоит наша страна и наша культура. Это – не выбор президента, партии или даже политического строя. Речь идет о выборе жизнеустройства (*типа цивилизации*).

Нынешнее время нередко называют «переходным периодом». В этих словах скрыт большой смысл. Переход – между чем и чем? Сегодня мы застряли в пространстве между двумя разными типами жизнеустройства, и нас усиленно тянут и толкают к тому берегу, где главным и почти тотальным средством господства станет *манипуляция сознанием*. Это, разумеется, лишь один из множества элементов, определяющих образ жизни, но элемент исключительно важный и многое раскрывающий в сущности всей системы жизнеустройства. Получив об этом элементе хотя бы предварительное знание, мы лучше поймем и целое.

Для освоения этого знания мы довольно хорошо подготовлены эмпирически – в течение последних пятнадцати лет наше общество само было объектом очень интенсивной кам-

пании по манипуляции сознанием. Благодаря этой кампании и удалось произвести огромную по масштабам и глубине *революцию* – осуществить смену общественного строя. Свежий опыт и повседневные наблюдения дают нам достаточно материала, чтобы каждый мог дополнить им краткие рассуждения учебного пособия.

Произведенная в СССР кампания по манипуляции сознанием была исключительно эффективна. Так, всего за два года (с 1989 по 1991 г.) идеологи рыночной реформы сумели внушить рабочим мысль, что приватизация промышленных предприятий и неизбежная при этом безработица соответствуют их интересам. Это выдающееся достижение технологий манипуляции, если учесть, что за эти два года рабочие не получили никакого положительного опыта, который мог бы убедить их в благотворности приватизации и безработицы, и не могли получить никаких логических доводов или хотя бы доводов от здравого смысла. Имело место *внушение*.

Если считать, что мы представляем собой *народ* (то есть связанную общей культурой общность с надличностным разумом и коллективной памятью), то надо признать, что в ходе этой кампании наша народная мудрость почему-то дала осечку. В результате этого сбоя в общественном сознании мы переживаем не только глубокий экономический, но и *культурный* кризис. Преодоление его возможно лишь в том случае, если мы вновь обретем культурную идентичность, овладеем новой ситуацией в нашем духовном пространстве и вос-

становим присущие нашей национальной культуре координаты для ориентации в вопросах добра и зла.

Для этого требуется понимание тех методов, которыми воздействовали на наше сознание, – и анализ нашего собственного восприятия этих действий. Они называются скучным термином *манипуляция общественным сознанием*. По своим масштабам, затратам, продолжительности и результатам эта программа манипуляции не имеет аналогов в истории. В ходе ее подготовки и выполнения сделано огромное количество находок и даже открытий, накоплено новое важное знание о человеке и обществе, об информации и языке, об экономике и экологии. Прежде чем начать решающие действия в СССР и России, было получено ценное знание по этнографии и антропологии. Мир изменился не только из-за краха СССР. Сама невидимая деятельность по манипуляции общественным сознанием множества народов Земли изменила облик мира и затронула практически каждого жителя планеты. И особенно культурный слой человечества – читателя и телезрителя.

Сегодня мировая пресса полна заявлениями о принципиальной возможности полного контроля над поведением человека, причем с очень небольшими затратами. С другой стороны, множество тех, кто посчитал себя жертвами манипуляции, впали в уныние и уверовали в какое-то тайное оружие, разработанное спецслужбами, в какие-то психотропные средства, с помощью которых политики «зомбируют» людей.

Вера в мистическую силу манипуляторов парализует волю, так что «создание» этой веры (путем слухов, статей, «обличений» и «признаний») – само по себе есть важное средство манипуляции общественным сознанием.

Люди, независимо от их идеологии и политических пристрастий, делятся на два типа. Одни считают, что в принципе человек – это большой ребенок, и манипуляция его сознанием (разумеется, «ради его собственного блага») просвещенными и мудрыми правителями – не только допустимое, но и предпочтительное, «прогрессивное» средство. Например, многие специалисты и философы считают, что переход от принуждения, тем более с применением насилия, к манипуляции сознанием – огромный шаг в развитии человечества.

Другие считают, что свобода воли человека, предполагающая обладание незамутненным разумом и позволяющая делать ответственный выбор (пусть и ошибочный) – огромная ценность. Эта категория людей отвергает законность и моральное оправдание манипуляции сознанием. В пределе, эта часть граждан считает физическое насилие менее разрушительным (если и не для индивидуума, то для рода человеческого), чем «зомбирование», роботизация людей.

Эти две позиции определяются ценностями, идеалами человека. Значит, спорить о том, какая из этих позиций правильнее и лучше, бесполезно. Это все равно что спорить, что важнее – душа или тело. Рационально и даже логично можно рассуждать о том, какие последствия для общества и лично-

сти повлечет за собой превращение той или иной идеальной позиции в политическую доктрину. Влияет ли на жизнь человека воплощение этой доктрины в жизнь линейно – или это влияние имеет критические пороговые уровни. То есть допустима ли «манипуляция в разумных пределах» или признание ее как оправданного средства управления означает перескок в качественно иное общество.

Поэтому в книге, которая предлагается читателю как матрица для рефлексии и диалога, мы постараемся избежать обвинений и оценки идеалов. Будем говорить о делах – их можно и нужно оценивать с позиций совести, поскольку они затрагивают жизнь людей. Но и скрывать свои установки бесполезно и даже вредно. Поэтому предпочитаю предупредить, что книга написана с позиций неприятия манипуляции и общественным, и личным сознанием. *Я* уверен, что на этом пути человека ждет беда – истощение культуры и угасание всего рода человеческого, включая касту жрецов, сидящих у пульта манипулирующей машины.

Но это – в туманной дали, об этом лучше читать у Достоевского. Мы же поговорим о вещах явных и осязаемых – о той технологии манипуляции сознанием, которая сложилась в наше время и которая была применена и применяется против обычных граждан во множестве стран.

Раздел I. Сущность и доктрины Манипуляции сознанием

Глава 1. О чем идет речь

Ограничим предмет нашего разговора, идя от общего к частному.

В живой природе человек – качественно новое явление. Он – не просто социальное существо, которое может существовать, только интенсивно обмениваясь информацией с себе подобными (таков и муравей). Он обладает *разумом*, способным к абстрактному мышлению, и *языком*. Язык и мышление – большие сложные системы, на которые можно воздействовать с целью программирования *поведения* человека. Человек обладает сложной психикой, важной частью которой является *воображение*. Оно развито настолько, что человек живет одновременно в двух измерениях, в двух «реальностях» – действительной и воображаемой. Воображаемый мир в большой степени (а у многих и в первую очередь) определяет поведение человека. Но он зыбок и податлив, на него можно воздействовать извне так, что человек и не заметит этого воздействия.

В общем, человек живет не только в объективно суще-

ствующем физическом мире, но и в искусственно созданной им так называемой *ноосфере* – мире, созданном сознательной деятельностью рода человеческого. Сужая понятие, можно сказать, что человек живет в искусственно созданном мире *культуры*.

Таким образом, все живые существа воздействуют на поведение тех, с кем они сосуществуют в своей экологической нише, используя природные объекты и программы, записанные природой в виде инстинктов. Но человек в дополнение к этому воздействует на поведение других людей, оказывая влияние на сферу культуры.

Разумеется, можно программировать поведение человека и путем непосредственного внешнего воздействия на его *биологические* структуры и процессы. Например, вживив электроды в мозг и стимулируя или блокируя те или иные управляющие поведением центры. При некоторой технической изощренности можно даже не вживлять электроды, а воздействовать на высшую нервную систему человека на расстоянии – с помощью физических полей или химических средств.

В свое время вызвали интерес опыты Хосе Дельгадо в университете Атланты (США), которые потом были засекречены. Там испытывали так называемый «телестимулятор мозга». На электроды, вживленные в мозг обезьяны, сигнал подавался на расстоянии, с помощью радиопередатчика. По своему желанию экспериментатор мог вызывать у животного

желания и эмоции – аппетит, страх, агрессивность и т. д. Более того, это можно было делать с помощью снабженной передатчиком ЭВМ – поведение «*программировалось*» в буквальном смысле слова.

И в прошлом, и сейчас, применяют и воздействие на поведение человека с помощью грубого *хирургического* вмешательства в его организм. В США долгое время широко использовалось лоботомирование – хирургическое удаление некоторых центров в лобной части головного мозга, после чего беспокойный человек утрачивает мятежный дух и становится всем довольным (кто-то наверняка смотрел фильм М.Формана «Пролетая над гнездом кукушки»).

Существенная доля женщин в бедных странах (а сегодня, в момент тяжелого культурного кризиса, и в бывшей ГДР) добровольно подвергается стерилизации. Это сильно меняет и психическую сферу, и некоторые стороны поведения. Еще недавно во многих странах видное место в обществе занимали евнухи. Кастрированные мужчины в некоторых важных вопросах также ведут себя вполне предсказуемо¹.

В этой книге мы не будем обсуждать ни применение элек-

¹ И речь идет не только о «тиранических обществах Востока». На Западе с его священными правами человека совсем недавно, в XX веке, кастрировали множество мальчиков с хорошим голосом – ради поддержания культуры вокала. Там и сегодня еще можно услышать прекрасное пение знаменитых сопрано-кастратов (кстати, стыдливость европейски образованного человека доходит до того, что большинство каким-то образом забыло, что само слово *сопрано* означает «кастрат»).

тродов в «коррекции» поведения, ни лоботомирование, ни воздействие психотропными лучами или газами. Все это, по нашим меркам, является преступным вмешательством в организм человека и, надо надеяться, в ближайшие годы открыто и в массовом масштабе использоваться не будет. А если эти средства и будут применяться, это рано или поздно вскроется и какое-то возмездие преступников настигнет. История дает в этом отношении основания для оптимизма.

Конечно, бдительность необходима. Энтузиастов с тоталитарным мышлением хватает под любым знаменем, даже демократическим. В своей уверенности, будто им дано право искоренять пороки «отсталых» народов, они легко скатываются до идеи биологической переделки «человеческого материала». Ставший видным идеологом врач Н.Амосов писал в 1992 г.:

«Исправление генов зародышевых клеток в соединении с искусственным оплодотворением даст новое направление старой науке – евгенике – улучшению человеческого рода. Изменится настороженное отношение общественности к радикальным воздействиям на природу человека, включая и принудительное (по суду) лечение электродами злостных преступников... Но здесь мы уже попадаем в сферу утопий: какой человек и какое общество имеют право жить на земле».

Эти помыслы выражают тайное желание элиты иметь население, которое вело бы себя именно так, как выгодно,

удобно и приятно именно ей, элите. Но мы, повторяю, не будем говорить ни о планах «улучшения человеческого рода» и лечении по суду электродами, ни о воздействии психотропными лучами.

Наш предмет – простая и реально существующая вещь, ставшая неотъемлемой частью нашей жизни в культуре. Это *манипуляция сознанием и поведением человека* с помощью законных и поддающихся изучению средств. Она представляет собой *технологию*, которую используют согласно своим служебным обязанностям и за небольшую зарплату сотни тысяч профессиональных работников – независимо от их личной нравственности, идеологии и художественных вкусов. Это – та технология, которая проникает в каждый дом и от которой человек в принципе не может укрыться. Но он может изучить ее инструменты и приемы, а значит, создать свои индивидуальные и коллективные «средства защиты».

Получение *знания* об инструментах и приемах манипуляции сознанием является правом человека в мало-мальски демократическом обществе. Систематизация и распространение этого знания являются моральным долгом образованного человека и гражданина. Если такое знание станет доступным для достаточно большого числа людей, то станут возможны и совместные действия по защите против манипуляции, то есть более широкая реализация демократических прав и свобод человека.

Конечно, манипуляторы будут изобретать новые инстру-

менты и новые приемы. Но это уже будет нелегкая и дорогостоящая борьба, а не подавление безоружного и незащищенного населения. И это будет борьба ничтожного меньшинства (хотя и обладающего деньгами и организацией) против огромной массы творчески мыслящих, изобретательных людей. Сам переход к борьбе будет означать важный поворот в судьбе нашего общества, а может быть, и всего человечества.

Знание о том, как посредством манипуляции сознанием одни люди воздействуют на поведение других, накапливается и в науке, и в художественном творчестве, и в обыденном опыте. Наука, которая обязана изучать реальность беспристрастно и нейтрально, не давая никому моральных оценок, в основном описывает структуру самого процесса манипуляции, ее технику, ее приемы и системы приемов. Это – *технологический* подход.

Литература, театр, кино копаются в душе человека, исследуют мотивы поступков, истоки доверчивости жертв манипуляции, угрызания совести манипуляторов – все это через призму *нравственных* норм той или иной культуры. Описывая внутренний мир всех участников акта манипуляции сознанием, художники порой создают сложные модели, которые потом надолго становятся уже предметом научных исследований. В «Братьях Карамазовых» Достоевский «расщепил» душу человека, представив каждую ее часть в виде отдельного участника сложного конфликта. Есть даже теория, что именно в совокупности всех членов семьи Карамазовых

Достоевский представил душу человека. И ее свято-звериный характер, и изощренный, противоречивый ум, и жажду испытать всю низость падения, и соблазн предательства.

В художественном творчестве талант художника состоит именно в том, чтобы не выпятить модель («мораль») слишком сильно. Чтобы «эксперимент», который ставит писатель над своими героями, не был надуманным, искусственным. Высшее достижение этого жанра, видимо, – убийство отца Карамазова. Это – *experimentum crucis* (критический эксперимент), поставленный и описанный Достоевским с удивительным мастерством. Недаром он освещается в литературе по истории и методологии науки. Но вообще произведения, посвященные тонкому воздействию на поведение человека, составляют очень большую часть литературы.

Отдельно сложился *синтетический* подход – описание конкретных случаев, наблюдаемых или вымышленных (*case studies*). В них реальность «вычищается» не слишком сильно, так что описание убеждает наличием жизненных деталей, но в то же время модель просвечивает достаточно сильно. Поэтому в завершение рассказа о модельном случае можно сделать довольно определенный вывод, и логика его понятна читателю.

Литература по новейшей истории полна описаниями того, как «партия Наполеона» во Франции приводила молодого генерала к власти – так, чтобы влиятельные социальные силы буквально умоляли его эту власть принять. Недавно, почти

на наших глазах, идеологи Запада провели блестящую кампанию по манипуляции общественным сознанием в Европе, убедив свой средний класс поддержать Мюнхенские соглашения и «разрешить» Гитлеру поход на Восток (хотя в тот момент остановить его не составляло труда – речь шла именно о разрешении или запрещении). Эта кампания также описана как «модельный случай». После Второй мировой войны усиленно изучаются все местные гражданские войны и национальные конфликты, выявляя в каждом случае технологию манипуляции общественным сознанием. «Бархатные революции» и перестройка в СССР дали обществоведам всего мира материала на сотню лет. Один «август 1991 года» уже перекрыл по главным параметрам самые блестящие провокации в истории.

В этой книге мы не будем следовать какому-то одному подходу, а постараемся выбрать полезные для нас идеи и сведения из запаса готового знания и применить их, как в практике, для анализа тех слов и дел, которые нам приходится слышать, видеть и терпеть в нашей реальной жизни.

Глава 2. «Анатомия и физиология» манипуляции сознанием

Человек – существо социальное. *Только боги и звери могут жить вне общества* (Аристотель). Индивидуум – это абстракция, которая сложилась в XVII веке при возникновении современного западного общества. Само латинское слово *ин-дивидуум* есть перевод греческого слова *а-том*, что по-русски означает *неделимый*. На практике миф об индивидууме неосуществим, человек возникает и существует только во взаимодействии с другими людьми и под их влиянием. Ребенок, воспитанный дикими животными (такие случаи известны и изучены), не становится красавцем Маугли. Он – не человек и выжить не может. Не становится человеком даже ребенок, надолго изолированный матерью от других людей.

Заложенная в нас *биологически* программа поведения недостаточна для того, чтобы мы были людьми. Она дополняется программой, записанной в знаках *культуры*. И эта программа – коллективное произведение. Значит, наше поведение всегда находится под воздействием других людей, и защитить себя от этого воздействия каким-то жестким барьером мы в принципе не можем. Какой же вид воздействия на наше поведение, во всем огромном спектре воздействий, мы определим как *манипуляцию*?

Само это слово имеет *отрицательную* окраску. Им мы

обозначаем то воздействие, которое побудило нас сделать такие поступки, что мы, согласно последующей оценке, оказались в проигрыше. Если приятель на ипподроме уговорил вас поставить на лошадь, которая пришла первой, то, получая в кассе выигрыш, вы не скажете: «Он мной манипулировал». Нет, он дал вам дельный совет.

С другой стороны, не всякое воздействие, подчинясь которому вы оказались в убытке, вы назовете манипуляцией. Если в темном переулке вам приставили нож к животу и шепнули: «Деньги и часы, быстро», то ваше поведение очень эффективно программируется. Но обозвать незнакомца манипулятором в голову не приходит. Какой же смысл мы вкладываем в это понятие?

Само слово «манипуляция» имеет корнем латинское слово *manus* – рука (*manipulus* – пригоршня, горсть). В словарях европейских языков слово толкуется как обращение с объектами с *определенной целью* (например, ручное управление, освидетельствование пациента врачом с помощью рук и т. д.). Имеется в виду, что для таких действий требуется *ловкость* и сноровка. В технике те приспособления для управления механизмами, которые как бы являются продолжением рук (рычаги, рукоятки), называются манипуляторами.

Отсюда произошло и современное переносное значение слова – ловкое обращение с людьми как с объектами, вещами. Оксфордский словарь английского языка трактует манипуляцию как «акт влияния на людей или управления ими с

ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как *скрытое* управление или обработка». Изданный в 1969 г. в Нью-Йорке «Современный словарь социологии» определяет манипуляцию как «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, *не раскрывая характер поведения, которого он от них ожидает*».

Одной из первых книг, прямо посвященных манипуляции сознанием, была книга социолога из ФРГ Герберта Франке «Манипулируемый человек» (1964). Он дает такое определение: «Под манипулированием в большинстве случаев следует понимать психическое воздействие, которое производится тайно, а следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено. Простейшим примером тому может служить реклама».

Подчеркнем два важнейших признака манипуляции сознанием как способа программирования поведения людей – ловкость и скрытность. Так, что человек даже не должен знать, какого именно поведения хочет достичь от него манипулятор. Эти признаки сразу резко ограничивают понимаемый как манипуляция набор способов управления.

Таким образом, термин «манипуляция» есть *метафора* и употребляется в переносном смысле: ловкость рук в обращении с вещами перенесена в этой метафоре на ловкое управление людьми (и, конечно, уже не руками а специальными «манипуляторами»). Метафора манипуляции складывалась постепенно. Важным этапом в ее развитии было обо-

значение этим словом фокусников, работающих без сложных приспособлений, руками («фокусник-манипулятор»). Искусство этих артистов основано на свойствах человеческого *восприятия* и *внимания* – на знании *психологии* человека. Своих эффектов фокусник-манипулятор добивается, используя психологические *стереотипы* зрителей, отвлекая, перемещая и концентрируя их внимание, действуя на воображение – создавая *иллюзии восприятия*. Если артист владеет мастерством, то заметить манипуляцию очень трудно, хотя дошлые скептики смотрят во все глаза.

Именно когда все эти принципы вошли в технологию управления поведением людей, возникла метафора манипуляции в ее современном смысле – как программирование *мнений* и *устремлений* масс, их *настроений* и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции.

Если выписать те определения, которые дают авторитетные исследователи манипуляции, то можно выделить ее главные, родовые признаки. Во-первых, это – вид *духовного*, психологического воздействия (а не физическое *насилие* или угроза насилия). Мишенью действий манипулятора является дух, психические структуры человеческой личности.

Во-вторых, манипуляция – это *скрытое* воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции. Один из ведущих специалистов по американским средствам массовой информации профессор Калифорнийского

университета Г.Шиллер замечает: «Для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно. Короче говоря, для манипуляции требуется *фальшивая действительность*, в которой ее присутствие не будет ощущаться».

Эту «фальшивую действительность» создают СМИ. Они являются ретранслятором *авторитетных мнений*, которые усваиваются людьми, а затем воспринимаются ими как свои собственные выводы. Э.Фромм в книге «Бегство от свободы» различает как две качественно разные категории мысли, которые являются продуктом самостоятельного мышления, и усвоенные чужие мысли. Он пришел к такому выводу: «На самом деле людям кажется, что это они принимают решения, что это они хотят чего-то, в то время как в действительности они поддаются давлению внешних сил, внутренним или внешним условностям, и «хотят» именно того, что им приходится делать».

Если попытка манипуляции вскрывается и разоблачение становится достаточно широко известным, акция обычно свертывается, поскольку раскрытый факт такой попытки наносит манипулятору значительный ущерб. Еще более тщательно скрывается главная цель – так, чтобы даже разоблачение самого факта попытки манипуляции не привело к выяснению дальних намерений. Поэтому сокрытие, утаивание информации – обязательный признак, хотя некоторые прие-

мы манипуляции включают в себя игру в искренность, когда манипулятор рвет на груди рубаху и пускает по щеке скупую мужскую слезу.

В-третьих, манипуляция – это воздействие, которое требует значительного *мастерства* и *знаний*. Встречаются, конечно, талантливые самородки с мощной интуицией, способные к манипуляции сознанием с помощью доморощенных средств. Но размах их действий невелик, ограничивается личным воздействием – в семье, в бригаде, в роте или банде. Если же речь идет об общественном сознании, о политике, хотя бы местного масштаба, то, как правило, к разработке акции привлекаются специалисты или хотя бы специальные знания, почерпнутые из литературы или инструкций. Поскольку манипуляция общественным сознанием стала *технологией*, появились профессиональные работники, владеющие этой технологией (или ее частями). Возникла система подготовки кадров, научные учреждения, научная и научно-популярная литература. Правда, Нобелевской премии в явном виде в этой области пока что не учредили (хотя некоторые лауреаты Нобелевской премии мира или по литературе должны были бы идти по разряду манипуляторов сознанием).

Еще один важный, хотя и не столь очевидный, признак состоит в том, что к людям, сознанием которых манипулируют, относятся не как к личностям, а как к объектам, особого рода *вещам*. Манипуляция – это часть *технологии власти*, а

не воздействие на поведение друга или партнера. Влюбленная женщина может вести очень тонкую игру, воздействуя на психику и поведение мужчины, чтобы разбудить ответные чувства. Если она умна и терпелива, то до определенного момента она проводит свои маневры скрытно, и ее намерения «жертва» не обнаруживает. Это – *ритуал* любовных отношений, конкретный образ которого предписан каждой культурой. Если речь идет об искренней любви, мы не назовем это манипуляцией. Иное дело – если хитрая бабенка решила окрутить простофилю.

Не включаем мы в понятие манипуляции и *этикет* – воздействие на поведение окружающих с помощью иносказаний и умолчаний, языка знаков, понимаемых только в данной культуре. Если человек понимает знак, то смысл обращения ему ясен и намерения того, кто «воздействует на его поведение», для него секрета не составляют. Если англичанин спрашивает знакомого англичанина: «How do you do?» («Как вы поживаете?»), тот отвечает тем же вопросом, и они переходят к делу. А русский, как шутят англичане, в ответ на этот вопрос-приветствие начинает рассказывать, что у него жена заболела и сын, паршивец, стал плохо учиться.

Когда человек обращается к другому с использованием приемов этикета повышенного ранга (например, утонченно вежливо), он, конечно, стремится повлиять на поведение партнера в свою пользу. Но это – не манипуляция, поскольку здесь не скрываются ни факт воздействия, ни намерения.

Напротив, знаковый язык должен быть понятен, иначе попытка воздействия и не может быть удачной². Без этикета и условностей жить в обществе невозможно. Но, применяя правила этикета, мы вовсе не обращаемся с человеком как с вещью, мы его уважаем как личность. Этот вид «нас возвышающего обмана» мы в понятие манипуляции не включаем.

Да и вообще, простой обман, будучи одним из важных *частных* приемов во всей технологии манипуляции, сам по себе составить манипулятивное воздействие не может. Ли-сица, выманивая сыр у Вороны, даже не может быть названа обманщицей. Она же не говорит ей: брось, мол, мне сыр, а я тебе брошу сырокопченой колбасы. Она просит ее спеть. Ложная информация, воздействуя на поведение человека, нисколько не затрагивает его духа, его намерений и установок. Поэтому, например, понятие манипуляции неприменимо к младенцам, поскольку они не могут принимать самостоятельных решений и ощущать себя ответственным субъектом. Е.Л.Доценко в книге «Психология манипуляции» (М, 1996 г.) поясняет: «Например, кто-то спрашивает у нас дорогу на Минск, а мы его направляем ложно на Пинск – это лишь обман. Манипуляция будет иметь место в том случае,

² Когда в Китае на дороге встречались процессии двух мандаринов, им предстояла долгая и сложная церемония взаимных приветствий. Если времени на это не было, то высылались вперед представители обеих сторон и они по обоюдному согласию договаривались, что обе свиты сделают вид, что не замечают друг друга. И процессии с носилками расходились по узенькой дорожке, а сновники свиты прикрывали лицо веером.

если тот, другой, собирался идти в Минск, а мы сделали так, чтобы он захотел пойти в Пинск».

В книге Г.Франке «Манипулируемый человек» подчеркивается эта особенность манипуляции как психического воздействия: «Оно не только побуждает человека, находящегося под таким воздействием, делать то, чего желают другие, оно заставляет его *хотеть* это сделать».

Отсюда становится ясной довольно неприятная сторона дела. Всякая манипуляция сознанием есть *взаимодействие*. Жертвой манипуляции человек может стать лишь в том случае, если он выступает как ее соавтор, соучастник. Только если человек под воздействием полученных сигналов перестраивает свои воззрения, мнения, настроения, цели – и начинает действовать по новой программе – манипуляция состоялась. А если он усомнился, уперся, защитил свою духовную программу, он жертвой не становится. Манипуляция – это не насилие, а *соблазн*. Каждому человеку дана свобода духа и свобода воли. Значит, он нагружен ответственностью – устоять, не впасть в соблазн. Один из надежных признаков того, что в какой-то момент осуществляется большая программа манипуляции сознанием, состоит в том, что люди вдруг перестают внимать разумным доводам – они как будто желают быть одураченными. Уже А.И.Герцен удивлялся тому, «как мало можно взять логикой, когда человек не хочет убедиться».

Для обсуждения нашей темы главную трудность создает

та сторона манипуляции сознанием, которую мы обозначили как «скрытность», да еще при наличии мастерства и ловкости. Профессиональные манипуляторы, как и фокусники, своих секретов не раскрывают и в свои творческие лаборатории посторонних не допускают. Таким образом, действительный смысл слов и дел авторов и исполнителей важных акций по манипуляции всегда тщательно скрыт, и требуется специальная работа по его выявлению. Мы вынуждены *исследовать* интересующие нас случаи и ситуации.

Выявление реального смысла в словах и действиях людей, которые стремились этот смысл скрыть, есть *интерпретация*, толкование. Подходя к таким высказываниям или фактам как к объекту исследования, мы должны с самого начала принять, что предлагаемый нам явно смысл слов и действий есть лишь *одна из возможных версий*. И на этом первом этапе она не имеет никаких преимуществ перед другими возможными версиями, которые мы обязаны построить сами, без подсказки. То есть к любым словам и делам политиков и их идеологов мы должны подходить, как следователь, выслушивающий первое объяснение подозреваемого. В этом нет никакого нарушения презумпции невиновности – ни следователь, ни мы не отбрасываем возможности того, что выслушанная версия истинна, не называем ее автора обманщиком. Но мы и не принимаем ее сразу за истину. Мы хотим *установить* истину.

Первое условие успешной манипуляции заключается в

том, что в подавляющем большинстве случаев подавляющее большинство граждан не желает тратить ни душевных и умственных сил, ни времени на то, чтобы просто *усомниться* в сообщениях. Пассивно окунуться в поток информации гораздо легче, чем критически перерабатывать каждый сигнал. На это никаких сил не хватит, если человек не овладел, до автоматизма, некоторым набором контролирующих «умственных инструментов», которые как бы сами собой, без усилий сознания и воли, анализируют информацию по одному признаку: есть ли в ней *симптомы* манипуляции. Так опытный шофер может работать целый день не уставая, потому что его руки и ноги отвечают на все сигналы о состоянии машины и дороги автоматически. Он не думает: «Что я буду делать, если тот малахольный тип, что покачивается на тротуаре, вдруг шагнет на проезжую часть?». Если будет надо, у такого шофера и руль будет повернут, и тормоз приведен в действие без напряженной работы мозга.

Так и человек, поднаторевший в том, чтобы искать разные смыслы слов и действий, сразу замечает сообщения, в которых есть симптомы наличия важного скрытого смысла – «уши торчат». При этом у него развито чувство меры. Ведь скрытый смысл есть во всех словах и всех действиях, потому так богата ткань человеческого общения. Но опытный человек «фильтрует» сообщения, выделяя те, которые превышают его порог «нюха на манипуляцию». Выработать правильный порог раздражения – условие победы в маленьких боях

на этом невидимом фронте. Так глаз умелого шофера сразу отмечает даже в толпе малахольных типов, которые способны броситься под колеса. А всех остальных его глаз не фиксирует, отбрасывает – они «ниже» порога раздражения.

Разделим два вопроса. Одно дело – засечь то сообщение, из которого торчит слишком много «лапши», приготовленной, чтобы навесить вам на уши. Другое дело – быстро выстроить правдоподобные версии истинного замысла того повара, что эту лапшу готовил. Между этими задачами – дистанция огромного размера. Вторая намного сложнее, и если уж ею заниматься, этому придется посвятить много сил и времени. Хороший интеллектуальный спорт, но дорогой. Для обычной жизни этого не требуется. Достаточно решить первую задачу – чуют подвох и просто не верить таким сообщениям, не пытаясь разгадать, а что же в действительности задумали манипуляторы. Если на вас бежит собака с помутненными глазами, которая шатается, а изо рта течет пена, то прежде всего надо посторониться. Решить, чем она больна и какие у нее в слюне микробы, непросто. Это можно оставить профессионалам и любителям, а вот посторониться важно каждому.

Когда пресс-секретарь Н.Степашина, шефа ФСК, заявляет с окраины захваченного боевиками села Первомайского, что все заложники боевиками убиты и можно начинать масштабную бомбардировку села, непросто понять, что за этим кроется. Ведь назавтра оказывается, что ни одного за-

ложника не убито, зато все до одного боевики вышли из окружения («босиком»). Каков истинный смысл этой легенды и этих действий? Понять трудно, но признаков того, что все это – часть политического спектакля, вполне достаточно.

Наука создала интеллектуальные инструменты, полезные для человека, который строит защиту против манипуляции. И даже не просто инструменты, а целый методологический подход, который называется *герменевтика*. В исходном смысле герменевтика (от греческого слова «разъясняю») – наука о толковании текстов.

Герменевтика имеет также прямое отношение к *герметизму* – религиозно-философскому учению, сложившемуся в эпоху античности. Герметизм означает *закрытость* (отсюда герметичность). Смысл понятия уходит к легендарному мудрецу Гермесу Трисмегисту («Трижды Величайшему»), магу и астрологу, основателю алхимии. Герметизм оказал большое влияние на мистическую традицию Средневековья и Возрождения, заложил основы оккультных учений Запада. В текстах, написанных в традиции герметизма, смысл передается с помощью сложной символики, доступной только посвященным. Трактаты алхимиков невозможно понять, не зная этой символики. Такие тексты приходится расшифровывать – интерпретировать. Этим и занимается герменевтика.

Эта наука и возникла уже в эпоху эллинизма для изучения и толкования старых текстов (например, Гомера). Кста-

ти, уже тогда и в связи со слепотой Гомера было сказано о трудности правильно истолковать слова, если нет возможности самому увидеть, о чем идет речь. Гераклит писал: «Обмануты люди в познании видимого, подобно Гомеру. А он был всех эллинов мудрее! Именно, провели и его мальчики, убивая вшей и приговаривая: все, что увидели и взяли, – кинули, а чего не видим и не берем, – это носим». Речь идет о шутке в одном из гимнов Гомера. Он вспоминает, как обратился к мальчикам-рыбакам с острова Хиос: «Рыбаки-аркадцы, какой улов?» А они отвечают: «Все, что выловили, бросили, а то, что не выловили, уносим»³.

В Средние века главным предметом герменевтики стало Священное писание. Европа наполнилась богословами, которые вели нескончаемые диспуты и порождали еретические толкования. В эпоху Возрождения герменевтика стала важным приемом в зарождающихся «общественных науках». Ее активно применял Никколо Макиавелли – политик и мыслитель, заложивший основы нового учения о государстве. Для нашей темы он особенно важен потому, что первым из теоретиков государства заявил, что власть держится *на силе и согласии* («макиавеллиевский кентавр»). Отсюда вытекает, что «Государь» должен непрерывно вести особую работу по завоеванию и удержанию согласия подданных. Поэтому само

³ К этой проблеме возвращается и Ницше, вспоминая шутку о рыбаках. Но он смотрит на дело мрачнее, чем Гераклит: «Что требует самых основательных, самых упорных доказательств, так это очевидность. Ибо слишком многим недостает глаз, чтобы видеть ее».

явление манипуляции сознанием долго, вплоть до недавнего времени обозначалось словом *макиавеллизм*. Считается, что в области политической философии Макиавелли предвосхитил деятельность якобинцев в Великой французской революции, которые осуществили грандиозную по своим масштабам манипуляцию массовым сознанием.

Нынешние исследования показали, что труды Макиавелли о государстве, которые воспринимались как исключительно оригинальные, есть плод его «герменевтических» изысканий старых авторов. Он по-новому «переписал» некоторые работы Платона, Теренция, Ливия и Данте, а также свои собственные. В XX веке Антонио Грамши обдумывал большой план – «переписать» книгу Макиавелли «Государь» с высоты нового опыта.

В своих откровениях Макиавелли высказал вещь, важную непосредственно для нашей темы: слова политиков *всегда* нуждаются в истолковании. Он заострил этот вопрос до предела, признавшись в одном письме от 17 мая 1521 г.: «Долгое время не говорил я того, во что верю, никогда не верю я и в то, что говорю, и если иногда случается так, что я и в самом деле говорю правду, я окутываю ее такой ложью, что ее трудно обнаружить».

В XIX веке герменевтика стала общеполитическим методом и расширила круг объектов. Она стала претендовать на то, чтобы научиться «вживаться» в текст так, чтобы «понять его смысл лучше, чем сам его автор». С помощью герме-

невтики историки пытались восстановить, реконструировать дух культуры и смысл событий прошлых эпох. Подходом герменевтики пользовались и пользуются крупные философы нашего времени (Хайдеггер, Хабермас, Фуко).

Более того, философы предупредили нас, что и гуманитарное знание (которое у нас по ошибке иногда называют *научным*) нуждается в истолковании, так как главное в нем вырастает из недосказанного. В своей книге о Канте (1929 г.) Хайдеггер заявил: «Вообще говоря, то, что должно стать решающим в любом философском знании, содержится не в высказываемых предположениях, но в том, что, хотя и не проговаривается как таковое, предстает нашему взору через эти предположения».

Герменевтику широко используют в «археологии знания» – поиске истинных смыслов тех главных *понятий*, которые лежат в основе современной цивилизации Запада (например, дух и тело, индивидуум, свобода, деньги, недвижимость, преступность и т. д.). Эта «археология» раскапывает совершенно поразительные, неведомые нам смыслы (и, кстати, позволяет нам понять, в чем реально заключается различие нашей страны и Запада как двух культур, двух цивилизаций).

Особое место занимает герменевтика в той части философии, которая занята критикой *идеологии* как главного средства господства и социальной власти в современном мире. Понятно, что язык идеологии, созданной как замена рели-

гии в атеистическом обществе промышленной цивилизации, для того и служит, чтобы внедрять в сознание скрытые смыслы. Поэтому для герменевтики всякий идеологический текст является прекрасным полем приложения сил. Здесь мы уже вплотную приближаемся к нашей проблеме.

Сегодня сфера действия герменевтики как научного подхода резко расширилась. Слово (и текст) стали рассматривать лишь как частное выражение более широкого понятия – *знака*. Все мы знаем, что передаваемая информация может воплощаться в самых разных знаковых системах. Платье, поза, жест могут быть красноречивее слов, это – «невербальные тексты». По оценкам американских психологов (Дж. Руш), язык жестов насчитывает 700 тысяч четко различимых сигналов, в то время как самые полные словари английского языка содержат не более 600 тысяч слов. Признанный мастер пропаганды Муссолини как-то сказал: «Вся жизнь есть жест». А ведь помимо жестов есть множество других знаковых систем.

Поэтому в принципе мы всегда должны интерпретировать, истолковать любое сообщение, в какой бы знаковой системе оно ни было «упаковано». Бывает, даже при толковании, казалось бы, прозрачных и общепринятых знаков бывают досадные ошибки. Как горевала на базаре торговка, у которой вор вытащил спрятанный на груди кошелек! Она, видишь ли, думала, что он полез «с добрыми намерениями». А теперь плачет, как русский народ после приватизации обще-

народной собственности. Так что в общем случае герменевтикой можно считать всякую науку, изучающую интерпретацию, то есть «выявление скрытого смысла в смысле очевидном».

Наш объект – особая деятельность, манипуляция общественным сознанием. Каковы главные знаковые системы, к которым мы можем приложить инструменты герменевтики? Самыми главными для нашей темы можно считать сообщения, «упакованные» в *словах*, вербальные тексты (печатные тексты, речи, радио– и телепередачи). Сюда же относятся не менее важные, чем слова, элементы текста – промежутки между словами, *паузы*. А в политике это не менее важные сообщения, чем то, что выражено словами. Главное у политиков, манипулирующих сознанием, часто заключено в *молчании*, а слова – это отвлекающая «стрельба».

Очень важны смыслы, скрытые в *образах* (картины, фотографии, кино, театр и т. д.). Разумеется, эффективнее всего действуют комбинации знаковых систем, и при наличии знания и искусства можно достичь огромного *синергического* (кооперативного) эффекта просто за счет соединения «языков», о чем мы поговорим ниже.

Наконец, истолкованию должны подвергаться также *действия*. Если политик с огромным опытом и интуицией в важной зарубежной поездке выходит из самолета и на виду у всей высокопоставленной публики, которая встречает его с цветами, мочится на колесо шасси, – как это надо понимать?

Очевидный смысл, который подсовывается простодушным противникам этого политика, прост. Ах он, такой-сякой, хам некультурный, не мог дотерпеть до туалета! Но этот видимый смысл на самом деле «смысла не имеет». В такого рода поездках целая куча режиссеров и психологов продумывает каждый жест, каждое движение. Действие, о котором мы упомянули, – это целый ритуал (надо признать, что новаторский), который несет в себе несколько слоев скрытых смыслов. И всякий человек, который не увидел здесь холодного расчета, подпал под обаяние этого ритуала, как бы он им ни возмущался.

Любой жест, любой поступок имеет кроме очевидного, видимого смысла, множество подтекстов, в которых выражают себя разные ипостаси, разные «маски» человека. Общение людей – непрерывный театр, а иногда карнавал этих масок – «персон». Вспомним, кстати, что латинское слово персона происходит от названия маски в античном театре и буквально означает «то, через что проходит звук» (*per* – через, *sonus* – звук). У этих масок рот делался с раструбом, чтобы усиливать звук.

Вообще, действия, тем более необычные и сложные, можно уподобить текстам, написанным с недомолвками и иносказаниями на не вполне понятном языке. Видный специалист по герменевтике П. Рикер писал о действии как аналоге текста: «Как и в сфере письма, здесь то одерживает победу возможность быть прочитанным, то верх берет неясность и

даже стремление все запутать».

Очень трудно правильно понять смысл сообщений, облеченных в слова и действия людей иной культуры. Апостол Павел в Послании коринфянам писал: «Говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования». Писатель Курт Воннегут, которого мучила проблема «некоммуникабельности», в одном из своих романов-притч («Завтрак для чемпионов») приводит сюжет рассказа своего героя – сумасшедшего писателя-фантаста:

«Существо по имени Зог прибыло на летающем блюде на нашу Землю, чтобы объяснить, как предотвращать войны и лечить рак. Принес он эту информацию с планеты Марго, где язык обитателей состоит из пуканья и отбивания чечетки. Зог приземлился ночью в штате Коннектикут. И только он вышел на землю, как увидел горящий дом. Он ворвался в дом, попукивая и отбивая чечетку, то есть предупреждая жильцов на своем языке о страшной опасности, грозящей им всем. И хозяин дома клюшкой для гольфа вышиб Зогу мозги».

Найти важный жест, который был бы правильно понят, – большое искусство. Вот – поцелуй. Кажется, истоки этого жеста куда как естественны, природны. Разве не наше биологическое естество к нему побуждает? Но нет, это тоже – феномен культуры. Японцам европейский поцелуй был неведом, а когда узнали, то долго был противен. На Кубе попытки Хрущева облобызать Фиделя Кастро вызвали шок и по-

родили массу язвительных шуток. Миклухо-Маклай отправился один в воинственное племя папуасов. Придя в деревню, все жители которой тут же попрятались, он сел, разулся и заснул. Этот жест убедительно выразил его миролюбивые намерения.

Вообще, в приложении к человеку слово *естественный* («природный», «заложенный в генах» и т. п.) – в большинстве случаев не более чем метафора. Ее часто используют политики, чтобы придать видимость бесспорной, вытекающей из «законов природы» аргументации своим утверждениям (пример: «при коллективизации уничтожили кулаков, и потому произошло генетическое вырождение советского народа»). На самом деле человек – существо исключительно пластичное, и усвоенные им нормы культуры так входят в его «естество», что влияют даже на физиологию. Они действительно начинают казаться чем-то природным, биологически присущим человеку – и он свои сугубо культурные особенности, отсутствующие в других культурах, начинает искренне считать «общечеловеческими», единственно правильными.

Даже в рамках одной большой культуры истолкование слов и поступков людей иного круга, иного сословия (другой субкультуры) – непростая задача. Каков же главный принцип герменевтики, на чем основано толкование текстов или событий? На том, что слово или жест встраиваются в их *контекст*. Уже текст, от латинского слова «ткань», «связь» (от-

сюда *текстура*) есть общность мыслей и слов, сцепленная множеством связей, часть из которых скрыта, невидима. А контекст – гораздо более широкая общность, в которую вплетен текст, и вплетен связями уже в основном скрытыми. И уровень нашего понимания текста зависит от того, как глубоко и широко мы смогли эти связи уловить. А значит, увидеть в тексте выражение сложной и невидимой действительности. М.М.Бахтин писал: «Каждое слово (каждый знак) текста выводит за его пределы. Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами».

Понятно, что шедевром становится тот текст, который поднимает главные вопросы бытия и потому может «встраиваться» в самые разные контексты места и времени. Действие трагедий Шекспира можно без натуги перенести в средневековую Японию или в современную Россию – мы увязываем его смыслы с контекстом любой цивилизации. Гоголь сегодня читается как пророк и учитель русского человека, а кто будет читать в десять раз более плодovitого Боборыкина? Потому что Боборыкин писал вещи, связанные простыми и явными связями с контекстом только своего места и времени.

Но для нас важнее вторая сторона проблемы связи текста (события, действия) с контекстом – та работа, которую производит «получатель сообщения», читатель, наблюдатель, историк или современник. Как писал теоретик герменевтики Ханс-Георг Гадамер, «лишь благодаря одному из участ-

ников герменевтического разговора, интерпретатору, другой участник, текст, вообще обретает голос. Лишь благодаря ему письменные обозначения вновь превращаются в смысл».

Интерпретация, толкование – это восстановление неявных или специально скрытых связей с контекстом. Успех этого дела определяется знанием, умением, волей и творческими способностями читателя или наблюдателя. Знания можно приобрести, умение выработать. Мы на фотографии сразу узнаем людей и даже представляем их образ «как живой». А дикарь в джунглях, когда ему показывают фотографию даже знакомых предметов и людей, смотрит на нее совершенно равнодушно и ничего не видит – он *не обучен* воспринимать эти образы.

Но знания и умения мало. Без работы ума, духа и воображения ничего не получится. Когда мы смотрим на пейзаж хорошего художника, мы так живо воспроизводим в нашем воображении картину, что кажется, будто художник выписал все детали, каждый листочек на дереве. Но ведь это невозможно.

Листочков он выписал очень мало, и они непропорционально велики. Если бы художник изобразил детали точно, мы бы просто не узнали образа. Он, зная законы восприятия, только *намекнул* нам, дал знак, а картину мы создали (вместе с ним, с его умелыми знаками) в нашем воображении. Мы – соавторы картины.

Какую же цель преследует тот, кто желает манипулиро-

вать нашим сознанием, когда посылает нам сообщения в виде текстов или поступков? Его цель – дать нам такие знаки, чтобы мы, встроив эти знаки в контекст, *изменили* образ этого контекста в нашем восприятии. Он *подсказывает* нам такие связи своего текста или поступка с реальностью, навязывает такое их истолкование, чтобы наше представление о действительности было искажено в желательном для манипулятора направлении. А значит, это окажет воздействие и на наше поведение, причем мы будем уверены, что поступаем в полном соответствии с нашими собственными желаниями.

Сказать слово или совершить действие, которые бы так затронули струны нашей души, чтобы мы вдруг увидели действительность в искаженном именно вопреки нашим интересам виде, – большое искусство. Такое слово и такой поступок не могут быть ясными, светлыми, понятными, они обязательно обращены к чему-то скрытому от разума:

Есть речи – значение темно иль ничтожно, Но им без волненья внимать невозможно.

Какова задача человека, который, не желая быть пассивной жертвой манипуляции, предпринимает маленькое исследование в духе герменевтики – пытается дать свою интерпретацию словам и поступкам? Его задача – воссоздать в уме, возможно полнее, *реальный* контекст сообщения и разными способами встроить в него услышанное или увиденное. Разумеется, совершенно полно воссоздать действитель-

ность невозможно, нужно провести отбор существенных ее сторон. Для этого герменевтика, как научный метод, как раз и дает полезные указания. Ясно, что особенно важно и трудно воссоздать специально скрываемые стороны действительности и их связи с сообщением. Например, интересы тех, кто «организует» сообщение (недаром еще древние римляне открыли важнейший принцип социальной герменевтики – «ищи, кому выгодно»).

Поиск скрытого смысла – психологически трудный процесс. Он требует мужества и свободы воли, ведь нужно на момент сбросить бремя авторитета, каким часто обладает отправитель сообщения. Власть имущие и денежные мешки – а в основном именно они нуждаются в манипуляции общественным сознанием – всегда имеют возможность нанять для передачи сообщений любимого артиста, уважаемого академика, неподкупного поэта-бунтаря или секс-бомбу, для каждой категории населения свой авторитет. С точки зрения психологии, умение интерпретации определяется способностью личности легко переходить от одного контекста к другому, соединяя разные «срезы» действительности в единые картины. В экспериментальных исследованиях психологов оказалось, что около 30 % испытуемых испытывают в этом сильные затруднения. Значит, тренироваться надо.

Считается, что люди в своем подходе к интерпретации делятся на два основных типа. Одни начинают с того, что стараются по мере возможности строго восстановить логику ав-

тора сообщения, до поры отставляя в сторону свои собственные версии. Если они находят в этой логике изъяны и у автора сообщения «концы с концами не вяжутся», здесь они и начинают копать.

Другие не тратят времени на то, чтобы реконструировать «интеллектуальные инструменты» авторов сообщения. Они принимают готовый вывод сообщения как одну из допустимых версий, но *лишь одну из нескольких возможных*, и приступают к выработке набора своих версий. Они «конструируют контексты», примеряя к ним версию «подозреваемого» – автора сообщения.

На практике оба подхода применяются в той или иной комбинации. Важно усвоить главное указание герменевтики: «Множественность интерпретаций и даже конфликт интерпретаций являются не недостатком или пороком, а достоинством понимания, образующего суть интерпретации» (П.Рикер).

И дело не в том, чтобы соглашательски составить из нескольких версий одну «усредненную». Только анализируя *разные* версии, можно приблизиться к истине, особенно когда действующие лица заинтересованы в ее сокрытии.

Эту проблему предельно заострил Акутагава в повести «Расёмон» (ее многие знают по шедшему у нас фильму Куросавы). Судья опрашивает участников и свидетелей одного события – поединка самурая с разбойником, в котором самурай был убит. Показания дает даже дух убитого. Сходясь

в описании «объективных фактов», какую же разную интерпретацию дают им участники!

Это явление типично. Венгерский историк А.Ковач изучил мнение большой группы людей, которые находились в одном помещении и наблюдали одно и то же событие (арест Имре Надя). Люди, в зависимости от своих установок, увидели настолько разные вещи, что историк назвал свой доклад на международной конференции в 1990 г. «Похищение Имре Надя и эффект «Расёмона».

А вот наша, близкая история, о которой рассказали ее участники. 19 августа 1991 г. состоялось знаменитое заседание Совета Министров СССР, где министры определяли свою позицию по отношению к ГКЧП. После «поражения путча» министры, бывшие приятелями, собрались и сравнили те записи, которые каждый вел на том заседании 19 августа. Эти записи были абсолютно несовместимы, как будто речь шла о разных заседаниях. И в то же время каждый вел их для себя, ему не было нужды искажать услышанное. Просто каждый выхватывал из потока сообщений то, что считал важным – согласно своим взглядам. Каждый видел происходящее через фильтр своих убеждений. Этот рассказ можно было бы назвать «Заседание Совета Министров СССР 19 августа 1991 г. и эффект Расёмона».

К несчастью, очень часто мы испытываем сужение сознания: получив сообщение, мы сразу же, с абсолютной уверенностью принимаем для себя одно-единственное его тол-

кование. И оно служит для нас руководством к действию. Обычно это происходит потому, что мы из «экономии мышления» следуем *стереотипам* – привычным штампам, понятиям, укоренившимся предрассудкам. В начале 70-х годов журнал американских экономистов и бизнесменов «Гарвард бизнес ревью» показал своим читателям, насколько сильны в них расовые стереотипы. На обложке журнала была дана картинка, в которую редакция просила внимательно всмотреться. Был нарисован салон автобуса, в котором поскандальили белый и негр. У одного в руке уже была открытая опасная бритва. Месяца через три картинку напечатали снова, но с одним изменением – бритвы не было. Редакция попросила читателей сделать над собой эксперимент: не отыскивая исходную картинку, вспомнить, у кого из участников скандала была в руке бритва. Потом были опубликованы поразительные результаты: большинство читателей (почти исключительно белые) считали, что бритва была в руке у негра. На самом деле она была у белого. Стереотип оказался сильнее памяти.

Из узости взгляда, подчинения хотя бы краткосрочному, на время возникшему стереотипу вытекают тяжелые ошибки и промахи в наших практических действиях. Неважно даже, верим ли мы безоговорочно лживому сообщению или выстраиваем собственную ложную его интерпретацию. В обоих случаях наше поведение *неадекватно* реальности, и нас ждет неудача.

Тот, кто хочет построить защиту против попыток манипуляции его сознанием, должен преодолеть закоренелость ума, научиться строить в уме *варианты* объяснения. Как бы ни был защищен ум догматика его «принципами, которыми он не может поступиться», к нему после некоторых попыток находится ключик, ибо ход его мыслей предсказуем и потому поддается программированию. И догматик, сам того не подозревая, становится не просто жертвой, а инструментом манипуляции.

Спасти от манипуляции с помощью догматизма и упрямства, просто «упершись», невозможно. Можно лишь продержаться какое-то время, пока к тебе не подберут отмычку. Или не обойдут как не представляющее большой опасности препятствие (как обошли идеологи рыночной реформы крестьян, не пытаясь их соблазнить демократией и не тратя сил и денег на разработку специальных технологий и языка для манипуляции сознанием именно крестьян).

Овладеть действительностью можно только изучив доктрину, тактику и оружие манипуляторов. Рассмотрим сначала, в каких условиях социального бытия манипуляция становится важнейшим средством господства и власти, в каких доктринах выражены главные принципы этого способа господства.

Глава 3. Демократия, тоталитаризм и манипуляция сознанием

Как мы установили, манипуляция – способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении.

Уже из этого очень краткого определения становится ясно, что манипуляция сознанием как средство власти возникает только в *гражданском* обществе, с установлением политического порядка, основанного на *представительной* демократии. Это – «демократия западного типа», которая сегодня ошибочно воспринимается просто как *демократия* – антипод тоталитаризму. На самом деле видов демократии множество (рабовладельческая, вечевая, военная, прямая, вайнахская и т. д.).

В западной демократии сувереном, то есть обладателем всей полноты власти, объявляется совокупность *граждан* (то есть тех жителей, которые обладают гражданскими правами¹).

Во многих странах Запада в правах урезаны обширные категории людей. Не будем вспоминать совсем недавнее раб-

ство в США (хотя это принципиальный, философский вопрос). Но вот Бразилия, которая считается демократической страной. Индейцы, коренное население страны, не имеют избирательных прав. Они – *жители* страны, но не ее *граждане*.

Эти граждане – индивиды, теоретически наделенные равными частицами власти в виде «голоса». Данная каждому частица власти осуществляется во время периодических выборов через опускание бюллетеня в урну. Равенство в этой демократии гарантируется принципом «один человек – один голос». Никто кроме индивидов не обладает голосом, не «отнимает» их частицы власти – ни коллектив, ни царь, ни вождь, ни мудрец, ни партия.

Но «равенство перед Законом не означает равенства перед фактом». Это разъяснили уже якобинцы, отправив на гильотину тех, кто требовал экономического равенства на основании того, что, мол, «свобода, равенство и братство». В имущественном смысле равные в политическом отношении граждане не равны. И даже обязательно должны быть не равны – именно страх перед бедными сплачивает благополучную часть в гражданское общество, делает их «сознательными и активными гражданами». На этом держится вся конструкция демократии – «общества двух третей».

Две трети – это «средний класс», сплоченный зрелищем бедности тех, кто оттеснен на обочину жизни. Голоса *трети* граждан, недовольных таким порядком, «омертвляются» – множеством способов их побуждают не участвовать в голо-

совании. В последнее время демократия Запада сдвигается к «обществу двух половин» – реально в выборах отказывается участвовать половина граждан. В РФ выборы в Госдуму считаются действительными, если к урнам пришло всего 25 % избирателей («общество одной четверти»).

Имущественное неравенство создает в обществе сильное неравновесие, которое может быть уравновешено только с помощью политической власти. Основатель политэкономии Адам Смит так определил главную роль государства в гражданском обществе: «Приобретение крупной и обширной собственности возможно лишь при установлении гражданского правительства. В той мере, в какой оно устанавливается для защиты собственности, оно становится, в действительности, защитой богатых против бедных, защитой тех, кто владеет собственностью, против тех, кто никакой собственности не имеет».

Речь здесь идет именно о *гражданском* правительстве, то есть о правительстве в условиях гражданского общества. До этого, при «старом режиме», власть не распределялась частицами между гражданами, а концентрировалась у монарха, обладавшего не подвергаемым сомнению правом на господство. В сословном обществе неравенство охранялось традицией, наглядно выражалось в разных правах перед законом и подтверждалось непререкаемым словом монарха.

Разумеется, как и в любом государстве, власть монарха (или, скажем, Генерального секретаря) нуждалась в легити-

мации – приобретении *авторитета* в массовом сознании. Но она не нуждалась в манипуляции сознанием. Отношения господства при такой власти были основаны на «открытом, без маскировки, императивном воздействии – от насилия, подавления, господства до навязывания, внушения, приказа – с использованием грубого простого принуждения». Иными словами, тиран *повелевает*, а не манипулирует.

Этот факт подчеркивают все исследователи манипуляции общественным сознанием, отличая способы воздействия на массы в демократических и авторитарных (или тоталитарных) режимах. Вот суждения видных американских ученых:

Специалист по СМИ З.Фрейре пишет: «До пробуждения народа нет манипуляции, а есть тотальное подавление. Пока угнетенные полностью задавлены действительностью, нет необходимости манипулировать ими».

Ведущие американские социологи П.Лазарсфельд и Р.Мертон так характеризуют отношения господства в США: «Те, кто контролирует взгляды и убеждения в нашем обществе, прибегают меньше к физическому насилию и больше к массовому внушению. Радиопрограммы и реклама заменяют запугивание и насилие».

Известный специалист в области управления С.Паркинсон дал такое определение: «В динамичном обществе искусство управления сводится к умению направлять по нужному руслу человеческие желания. Те, кто в совершенстве овладел этим искусством, смогут добиться небывалых успехов».

Э.Тоффлер в своей книге «Метаморфозы власти» пишет: «Государство изобрело новые формы контроля над умственной деятельностью, когда индустриальная революция привела к созданию СМИ, и оно станет искать новые средства и методики, которые помогли бы ему сохранить хотя бы некоторый контроль над образами, идеями, символами и идеологиями, доходящими до простых людей через новую электронную инфраструктуру».

Хотя *идеология*, эта замена религии для гражданского общества, возникла как продукт Научной революции и Просвещения, в Европе, главным создателем концепции и технологии манипуляции массовым сознанием с самого начала стали США. Впрочем, как говорили уже в XVIII веке, США – более Европа, чем сама Европа. Здесь на пространствах, свободных от традиций старых сословных культур, возник индивидум в самом чистом и полном виде. У «отцов нации» и состоятельного слоя Соединенных Штатов появилась острая потребность контролировать огромную толпу свободных индивидов, формально равных перед законом, не прибегая к государственному насилию (оно было попросту невозможно). В то же время не было возможности взывать к таким этическим нормам, как уважение к авторитетам – США заселили диссиденты Европы, отрицающие авторитет. Так возник новый в истории тип социального управления, основанный на *внушении*. Поэт Гор Видал сказал, что «американскую политическую элиту с самого начала отличало завидное уме-

ние убеждать людей голосовать вопреки их собственным интересам».

В целом Г.Шиллер дает такое определение:

«Соединенные Штаты совершенно точно можно охарактеризовать как разделенное общество, где манипуляция служит одним из главных инструментов управления, находящегося в руках небольшой правящей группы корпоративных и правительственных боссов... С колониальных времен власть имущие эффективно манипулировали белым большинством и подавляли цветные меньшинства».

В США в кратчайший срок была создана новаторская технология управления обществом. То, что в других обществах складывалось тысячи лет, в США было сконструировано на голом месте, по-новому, чисто научным и инженерным способом. Герберт Маркузе отмечает это огромное изменение: «Сегодня подчинение человека увековечивается и расширяется не только посредством технологии, но и как технология, что дает еще больше оснований для полной легитимации политической власти и ее экспансии, охватывающей все сферы культуры». Подчинение не *посредством* технологии, а *как* технология! Тиран создать технологию не мог, он всего лишь подчинял людей с ее помощью, причем используя весьма примитивные системы.

В США создавалась именно технология, и на это работал и работает большой отряд обученных, профессиональных интеллектуалов. Г.Шиллер отмечает: «Там, где манипу-

ляция является основным средством социального контроля, как, например, в Соединенных Штатах, разработка и усовершенствование методов манипулирования ценятся гораздо больше, чем другие виды интеллектуальной деятельности».

В деле манипуляции специалисты США обращают на службу правящим кругам даже те общественные течения, которые, казалось бы, как раз находятся в оппозиции к власти этих кругов. В течение 80-х годов правительству Рейгана и Буша в США удавалось проводить крайне правую социальную и милитаристскую политику при том, что в общественном мнении происходил сильный сдвиг в сторону социал-демократических принципов. При опросах подавляющее большинство поддерживало введение государственных гарантий полной занятости, государственное медицинское обслуживание и строительство детских садов, а соотношение сторонников и противников сокращения военных расходов было 3:1. Согласно данным опроса 1987 г., посвященного Конституции США, почти половина населения США была уверена, что фраза «от каждого по способностям, каждому по потребностям» – статья Конституции США, а вовсе не лозунг из Коммунистического манифеста Маркса.

Философы Адорно и Хоркхаймер в книге «Диалектика Просвещения» представили организацию всей жизни в США как «индустрию культуры, являющуюся, возможно, наиболее изощренной и злокачественной формой тоталита-

ризма». Так что речь, если на то пошло, идет не о выборе между демократией и тоталитаризмом, а между разными типами *тоталитаризма* (или разными типами *демократии* – название зависит от вкуса).

В самой западной философской мысли «демократических» иллюзий давно уже нет. Монтескье в своей теории гражданского общества предложил идею *разделения властей*, считая, что это ограничит тиранию исполнительной власти. Эти надежды не сбылись. В конце XIX века писатель Морис Жоли даже написал веселую книгу «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье», в которой тень Макиавелли, как теоретика циничной и жестокой исполнительной власти, в два счета объяснила Монтескье, как легко государь может манипулировать другими «ветвями власти» просто потому, что именно он контролирует финансы – даже не прибегая к более жестким средствам. А они тоже, когда надо, применяются.

Когда философы пишут всерьез, они отбрасывают ругательства вроде «тоталитаризма» или «культа личности», а говорят о двух типах деспотизма – *восточном* и *западном*. Современный французский философ С.Московичи видит главное отличие западного типа в том, что он опирается на контроль не над средствами производства, а над *средствами информации* и использует их как нервную систему:

«Они простирают свои ответвления повсюду, где люди собираются, встречаются и работают. Они проникают в зако-

улки каждого квартала, каждого дома, чтобы запереть людей в клетку заданных сверху образов и внушить им общую для всех картину действительности. Восточный деспотизм отвечает экономической необходимости, ирригации и освоению трудовых мощностей. Западный же деспотизм отвечает прежде всего политической необходимости. Он предполагает захват орудий влияния или внушения, каковыми являются школа, пресса, радио и т. п. . . . Все происходит так, как если бы шло развитие от одного к другому: внешнее подчинение уступает место внутреннему подчинению масс, видимое господство подменяется духовным, незримым господством, от которого невозможно защититься».

Представление же, будто наличие «демократических механизмов» само по себе обеспечивает свободу человека, а их отсутствие ее подавляет – плод наивности. В какой-то мере эта наивность была еще простительна русским в начале века, но и тогда уже Бердяев писал: «Для многих русских людей, привыкших к гнету и несправедливости, демократия представлялась чем-то определенным и простым, – она должна была принести великие блага, должна освободить личность. Во имя некоторой бесспорной правды демократии мы готовы были забыть, что религия демократии, как она была провозглашена Руссо и как была осуществлена Робеспьером, не только не освобождает личности и не утверждает ее неотъемлемых прав, но совершенно подавляет личность и не хочет знать ее автономного бытия. Государственный абсолютизм в

демократиях так же возможен, как в самых крайних монархиях. Такова буржуазная демократия с ее формальным абсолютизмом принципа народовластия... Инстинкты и навыки абсолютизма перешли в демократию, они господствуют во всех самых демократических революциях».

Строго говоря, как только манипуляция сознанием превратилась в технологию господства, само понятие «демократия» стало условным и употребляется лишь как идеологический штамп. В среде профессионалов этот штамп всерьез не принимают. В своей «Энциклопедии социальных наук» Г.Лассуэлл заметил: «Мы не должны уступать демократической догме, согласно которой люди сами могут судить о своих собственных интересах».

Говоря о демократии и тоталитаризме, надо на минуту отвлечься и выделить особый случай: что происходит, когда в обществе с «тоталитарными» представлениями о человеке и о власти вдруг революционным порядком внедряются «демократические» правила? Неважно, привозят ли демократию американские военные пехотинцы, как на Гаити или в Панаму, бельгийские парашютисты, как в Конго, или отечественные идеалисты, как весной 1917 года в России. В любом случае это демократия, которая не вырастает из сложившегося в культуре «ощущения власти», а привносится как прекрасный заморский плод. Возникает гибрид, который, если работать тщательно и бережно, может быть вполне приемлемым (как японская «демократия», созданная после

войны оккупационными властями США). Но в большинстве случаев этот гибрид ужасен, как Мобуту.

Для нас этот вариант важен потому, что вот уже больше десяти лет проблема демократии и тоталитаризма стала ключевой темой в манипуляции. Как известно, Россия никогда не была «гражданским обществом» свободных индивидов. Это было традиционное сословное общество (крестьяне, дворяне, купцы да духовенство – не классы, не пролетарии и собственники). Либеральные социальные философы называют этот тип *«теплое общество лицом к лицу»*. Идеологи выражаются грубее: *тоталитаризм*. Как ведут себя люди такого общества, когда им вдруг приходится создавать власть (их обязывают быть «демократами»)?

Это мы видим сегодня и поражаемся – выбирают в основном людей посредственных и очень часто уголовников. Этому есть объяснение низкое, бытовое, и есть высокое, идеальное. Согласно «идеальной» установке, бремя власти есть несчастье для человека! Власть всегда есть что-то внешнее по отношению к «теплому обществу», и принявший бремя власти человек неминуемо становится изгоем. Если же он поставит свои человеческие отношения выше государственного долга, он будет плохой, несправедливой властью. В таком положении очень трудно пройти по лезвию ножа и не загубить свою душу. Понятно, почему русский человек старается «послать во власть» того, кого не жалко, а лучше позвать чужого, немца. Если же обязывают, демократии ради, создать

самоуправление, то уклонение от выполнения властных обязанностей и коррупция почти неизбежны.

Итак, есть, условно говоря, две «чистые» модели – *демократия* и *тоталитаризм*. И самый трудный случай, наш собственный – навязанная гибридизация чужеродной демократии, наложенной на культуру «теплого общества». В этом гибриде наши реформаторы делают вид, что надеются убить компонент «тоталитаризма». Чуть ли не главным инструментом в их усилиях стала манипуляция сознанием.

Ее технология, созданная в США, применяется сегодня в более или менее широких пределах в других частях мира (в России – без всяких пределов). Она должна стать главным средством социального контроля в новом мировом порядке. Разумеется, дополняясь насилием в отношении «цветных». Правда, таковыми все более и более считаются бедные независимо от цвета кожи (например, японцы уже не считаются цветными, а русские уже почти считаются).

Почему способы жесткого духовного воздействия вне демократии не подпадают под понятие манипуляции? Ведь тираны не только головы рубили и «черным вороном» пугали – словом, музыкой и образом они действовали ничуть не меньше. Почему же литургия в храме или беседа политрука в Красной Армии, побуждающие человека к определенному поведению, – не манипуляция сознанием?

Воздействие на человека религии (не говорим пока о сектах) или «пропаганды» в *идеократических* обществах, каким

были, например, царская Россия и СССР, отличаются от манипуляции своими главными родовыми признаками. Вспомним первый признак – *скрытность* воздействия и внушение человеку желаний, *заведомо* противоречащих его главным ценностям и интересам.

Религия и официальная идеология идеократического общества не только не соответствуют этому признаку, они действуют принципиально иначе. Их обращение к людям не только не скрывается, оно *громогласно*. Ориентиры и нормы поведения, к которым побуждали эти воздействия, декларировались совершенно открыто, и они были жестко и явно связаны с декларированными ценностями общества.

И отцы церкви, и «отцы коммунизма» считали, что то поведение, к которому они призывали, – в интересах спасения души или благоденствия их паствы. Поэтому и не могло стоять задачи внушить ложные желания и скрывать акцию духовного воздействия. Конечно, представления о благе и потребностях людей у власти и большей или меньшей части населения могли расходиться, вожди могли заблуждаться. Но они не «лезли под кожу», а дополняли власть Слова прямым подавлением. В казармах Красной Армии висел плакат: «Не можешь – поможем. Не умеешь – научим. Не хочешь – заставим».

Смысл же манипуляции иной: мы не будем тебя *заставлять*, мы влезем к тебе в подсознание и сделаем так, что ты *сам захочешь*. В этом – главная разница и принципиальная

несовместимость двух миров: религии или идеократии (в так называемом *традиционном* обществе) и манипуляции сознанием (в так называемом *демократическом* обществе).

Многих вводит в заблуждение сходство некоторых «технических» приемов, применяемых и в религиозной, и в пропагандистской, и в манипуляционной риторике – игра на чувствах, обращение к подсознанию, к страхам и предрассудкам. Хотя в религии и идеократической пропаганде использование этих приемов – следствие слабости и незрелости, а в манипуляции сознанием – принципиальная установка. Более того, религиозные конфессии, взявшие курс на обновление и озабоченные успехом в политике, впадают порой в соблазн освоить большие манипуляционные технологии. Мы уж не говорим о тех сектах и «церквях», которые являются прежде всего политическими (иногда криминальными) организациями, которые, напротив, используют религиозные «технологии» в целях манипуляции.

Об этом – одно из едва ли не главных размышлений Достоевского, выраженное в Легенде о Великом Инквизиторе. Сошедшего на Землю Христа Великий Инквизитор посылает на костер, чтобы он не нарушал, как бы мы сегодня сказали, Мирового порядка, основанного именно на манипуляции сознанием. Великий Инквизитор упрекает Христа в том, что Он отказался повести за собой человека, воздействуя на его сознание чудом.

В советской идеологии «обновленчество» Хрущева с по-

пыткой использовать манипуляционные технологии сразу нанесло ей рану в которой и вызрели идеологи типа А.Н.Яковлева. Хрущев стал соблазнять чудесами: догоним Америку по мясу и молоку, через двадцать лет будем жить при коммунизме. С этого начало рушиться идеократическое советское общество – для него манипуляция сознанием дисфункциональна («вредна для здоровья»).

Но в реальной жизни отклонения от «чистой» модели затемняют фундаментальные различия, и поэтому остановимся пока что на очевидном родовом признаке: открытость и даже ритуальность установления желаемых норм поведения в теократических и идеократических обществах – и скрытое, достигаемое через манипуляцию сознанием установление таких норм в демократическом (гражданском, либеральном) обществе.

Есть два подхода к сравнению этих «чистых» вариантов господства. Первый подход мы назовем *функциональным*, а второй – *моральным*. Насколько успешно оба подхода позволяют власти выполнять одну из своих функций – обеспечить выживание общества, его воспроизведение и устойчивость?

В общем, традиционное и либеральное общества устойчивы или уязвимы перед ударами разных типов. Первое поразительно жизнестойко, когда удары наносятся всем или большей части общества, так что возникает ощущение, что «наших быют». В этих случаях устойчивость такова, что наблюдатели и политики «из другого общества» раз за разом тя-

жело ошибаются.

Сравнительно мало материалов опубликовано о тех умо- заключениях советников Наполеона и Гитлера, которые ошиблись в своих прогнозах о реакции разных слоев русского народа на вторжение в Россию. Но и то, что опубликовано, показывает: в обоих «экспериментах» над Россией Запад ошибся фундаментально. Русские иначе «интерпретировали» жесты западных носителей прогресса, нежели они рассчитывали. Каждый удар извне, который воспринимался русскими как удар по России, залечивал ее внутренние трещины и «отменял» внутренние противоречия.

Так же поражает сегодня западных экспертов способность российского общества держать удары победителей в холодной войне. Массовое обеднение не только не разрушило общества, оно даже почти не озлобило людей, не стравило их. Вопреки ожиданиям, общество не распалось, а продолжает жить согласно неписаным законам и культурным нормам, чуждым индивидуализму.

На Западе спад производства в 1 % – уже кризис, который резко меняет поведение обывателя. Даже если его лично еще совершенно этот кризис не коснулся и разорение ему непосредственно не угрожает. А если колесо кризиса его задело, происходят просто невероятные превращения. О том, как быстро в либеральном обществе утрачиваются скрепляющие его культурные нормы при обеднении среднего класса, написана масса печальной литературы. Во время Вели-

кой депрессии в США разорившиеся бизнесмены выбрасывались из окон. В России нет ничего подобного.

Зато традиционное общество исключительно хрупко и беззащитно против таких воздействий, к каким совершенно нечувствительно общество гражданское. Достаточно заронить в массовое сознание сомнение в праведности жизни или в праведности власти, все устои политического порядка могут зашататься и рухнуть в одночасье. Об этом – «Борис Годунов» Пушкина. Об этом писали в «Вехах» раскаявшиеся либеральные философы после опыта революции 1905 года. Да и вся драма второго акта убийства Российской империи, уже в облике СССР, у нас перед глазами.

Идеократическое общество – сложная, иерархически построенная конструкция, которая держится на нескольких священных идеях-символах и на отношениях авторитета. Утрата уважения к авторитетам и символам – гибель. Если противнику удастся встроить в эти идеи разрушающие их вирусы, то победа обеспечена. Отношения господства с помощью насилия спасти не могут, ибо насилие должно быть легитимировано теми же самими идеями-символами.

Гражданское общество, состоящее из атомов-индивидов, связано бесчисленными ниточками их интересов. Это общество просто и неразрывно, как плесень, как колония бактерий. Удары по каким-то точкам (идеям, смыслам) большого ущерба для целого не производят, образуются лишь локальные дырки и разрывы. Зато эта ткань трудно переносит «мо-

лекулярные» удары по интересам каждого (например, экономические трудности). Для внутренней стабильности нужно лишь контролировать всю колонию таким образом, чтобы не возникало больших социальных блоков с несовместимыми, противоположными желаниями. С этой задачей технология манипуляции сознанием справляется. А борьба по поводу степени удовлетворения желаний вполне допустима, она сути общества не подрывает.

Это – инструментальная сторона. Иное дело – оценки, вытекающие из этических ценностей. Здесь взгляды диаметрально противоположны. Человек либерального образа мыслей убежден, что переход от принуждения к манипуляции сознанием – прогресс в развитии человечества, чуть ли не «конец истории». Парадоксальным образом, некоторые либеральные идеологи согласны, чтобы ради такого перехода на неопределенный период устанавливался режим ничем не ограниченного насилия. Аргументы тех, кто приветствует переход от принуждения к манипуляции, просты и понятны. Кнут – это больно, а духовный наркотик – приятно. Если уж все равно сильный заставит слабого подчиниться своей воле, то пусть он это сделает с помощью наркотика, а не кнута. О вкусах не спорят.

Теперь рассмотрим доводы тех, кто считает наркотик *хуже* кнута. И прежде всего, доводы самих западных мыслителей, которые видят проблему именно исходя из идеалов и интересов Запада, с точки зрения пути и судьбы своей ци-

визации. Известно, что Запад считает себя цивилизацией свободных индивидов, собравшихся в гражданское общество на основе права. Закон, охраняемый государством, ввел в цивилизованные рамки извечную «войну всех против всех», борьбу за существование. Один из главных философов гражданского общества Т.Гоббс назвал государство, которое способно цивилизовать «войну всех против всех», Левиафаном – по имени могучего библейского чудовища. Эта война стала всеобъемлющей *конкуренцией*, а общественная жизнь – всепроникающим рынком. Философ гражданского общества Локк признавал, что стремление к выгоде разъединяет людей, ибо «никто не может разбогатеть, не нанеся убытка другому». Но свобода индивида и понимается прежде всего как разъединение, *атомизация* «теплого общества лицом к лицу» – через конкуренцию. В политической сфере этому соответствует демократия, понимаемая как «холодная гражданская война», разновидность конкуренции.

Главным условием поддержания такого порядка является свобода индивида, позволяющая ему делать осознанный рациональный выбор и заключать свободный контракт. Неважно, идет ли речь о покупке или продаже рабочей силы, той или иной жевательной резинки или партийной программы (на выборах). Это – идеал. В чистом виде он, конечно, не достигается. Вопрос в том, на каком пути развития общество приближается, а на каком удаляется от идеала, а то и заходит

в тупик.

Сегодня значительная часть мыслителей считает, что, сделав манипуляцию сознанием главной технологией господства, Запад совершил ошибку и зашел в тупик. Причина в том, что манипуляция сознанием, производимая всегда скрытно, лишает индивида свободы в гораздо большей степени, нежели прямое принуждение. Жертва манипуляции полностью утрачивает возможность *рационального выбора*, ибо ее желания программируются извне. Таким образом, ее положение в конкуренции, в «войне всех против всех», резко ухудшается. Фактически, это – ликвидация главных гражданских прав, а значит, ликвидация идеальной основы западной цивилизации. На ее месте возникает новый вид тоталитаризма, заменившего кнут гораздо более эффективным и более антигуманным инструментом – «индустрией массовой культуры», превращающей человека в программируемый робот. Как сказал немецкий философ Краус о нынешней правящей верхушке Запада, «у них – пресса, у них – биржа, а теперь у них еще и наше подсознание». Эта критическая по отношению к манипуляции позиция почти не связана с политическими взглядами, вопрос глубже.

Вернемся на родную землю и вспомним, как оценивали переход «от тоталитаризма к демократии» представители русской культуры. Наши «левые» XIX века, увлеченные обличением крепостничества и тирании, этой проблемы, в общем, не замечали (за исключением Герцена, который ужас-

нулся тому, что увидел на Западе). Более проникательные и смотрящие далеко вперед сразу выразили беспокойство. Гоголь видел в цивилизации, развращающей человека «оружием сластей», антихристианскую силу. Он страдал не только от страха за судьбу России, но и при виде угрозы душе европейца. А поскольку уже было ясно, что США стали наиболее полным выразителем нового духа Запада, о них он и сказал, перефразируя Пушкина: «Что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выведенного яйца не стоит»⁴.

Пожалуй, в русской литературе и философии именно тревога за душу человека была главным мотивом в отношении к манипуляции сознанием. Поэтому очень многие рассуждения или прямо исходят из христианского идеала, или окрашены в религиозные тона, включают христианские метафоры и аллегории. Это отметил Н.Бердяев, когда писал в 1923 г.: «Демократия – не новое начало, и не впервые входит она в мир. Но впервые в нашу эпоху вопрос о демократии становится религиозно-тревожным вопросом. Он ставится уже не в политической, а в духовной плоскости. Не о политических формах идет речь, когда испытывают религиозный ужас от поступательного хода демократии, а о чем-то более глубоком. Царство демократии не есть новая форма государ-

⁴ На деле Пушкин выразился, так: «Мне мешает восхищаться этой страной, которой теперь принято очаровываться, то, что там слишком забывают, что человек жив не единым хлебом».

ственности, это особый дух».

Важно отметить: русские философы-эмигранты, считая, что в России установился режим большевистской тирании, угрозу душе человека видели именно на Западе. Именно его судьбу они считали трагической. Они предупреждали о глубоком заблуждении русских либералов-западников. Георгий Флоровский писал: «Им не приходит в голову, что можно и нужно задумываться над предельными судьбами европейской культуры... Их мнимое преклонение пред Европой лишь прикрывает их глубокое невнимание и неуважение к ее трагической судьбе».

По-другому эту мысль о западниках своего времени выразил Бердяев: «Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души. Можно даже высказать такой парадокс: славянофилы... были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают дети... А вот и обратная сторона парадокса: западники оставались азиатами, их сознание было детское, они относились к европейской культуре так, как могли относиться только люди, совершенно чуждые ей».

В свете христианства видел трагедию Запада и Достоевский. Применение духовного наркотика в целях управления для него не просто несовместимо со свободой воли, а значит, с христианством – оно *противоположно* ему, оно есть прямое служение дьяволу. Вспомним Легенду о Великом Ин-

квизиторе, выбрав из нее лишь места, прямо относящиеся к нашей теме (это, конечно, вольное и обедненное цитирование, но главный смысл передает). Итак, в Севилью, где огромными трудами власти создан стабильный общественный порядок, явился Христос. Кардинал великий инквизитор сразу узнал его в толпе и арестовал. Ночью он явился к нему для объяснений в камеру:

«Это ты? Зачем же ты пришел нам мешать? Ибо ты пришел нам мешать и сам это знаешь... Да, это дело нам дорого стоило, но мы dokonчили наконец это дело во имя твое. Пятнадцать веков мучились мы с этой свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко. Ты не веришь, что кончено крепко? Но зная, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль ты желал, такой ли свободы?..

И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо и что с сердец их снят, наконец, столь страшный дар, принесший им столько муки. Правы мы были, уча и делая так, скажи? Неужели мы не любили человечества, столь смиренно сознав его бессилие, с любовью облегчив его ношу и разрешив слабосильной природе его хотя бы и грех, но с нашего позволения? К чему же теперь пришел нам мешать?..

И я ли скрою от тебя тайну нашу? Слушай же: мы не с тобой, а с ним, вот наша тайна! Мы взяли от него Рим и меч

кесаря и объявили себя царями земными, хотя и донныне не успели еще привести наше дело к полному окончанию. О, дело это до сих пор лишь в начале, но оно началось. Ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их. Мы и взяли меч кесаря, а взяв его, конечно, отвергли тебя и пошли за ним. У нас все будут счастливы и не будут более ни бунтовать, ни истреблять друг друга, как в свободе твоей, повсеместно. Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволим грешить. И не будет у них никаких от нас тайн. Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей – все судя по их послушанию – и они будут нам покоряться с весельем и радостью.

То, что я говорю тебе, сбудется, и царство наше созиждется. Повторяю тебе, завтра же ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горячие угли к костру твоему, на котором сожгу тебя за то, что пришел нам мешать. Ибо если был, кто всех более заслужил наш костер, то это ты. Завтра сожгу тебя. Dixi».

Конечно, Гоголь и Достоевский писали не для Запада. Запад давно сделал свой выбор и преодолел свои болезни только на своем пути. Надо только поражаться, как точно

уловил суть этих болезней Достоевский.

Его Инквизитор говорит: «Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей – все судя по их послушанию». Кажется, аллегория, метафора. А вот Англия начала 30-х годов XX века.

Крупный ученый, сэр Джулиан Хаксли, чтобы сократить рождаемость в среде рабочих, предложил обусловить выдачу пособий по безработице обязательством не иметь больше детей. «Нарушение этого приказа, – писал ученый, – могло бы быть наказано коротким периодом изоляции в трудовом лагере. После трех или шести месяцев разлуки с женой нарушитель, быть может, в будущем будет более осмотрительным».

Гоголь и Достоевский писали для России. Их страхи были пророческими, а предупреждения были направлены как будто именно нам. Выбор делать нам, на свою ответственность, но выслушать и обдумать предупреждения мы обязаны. Учтем, однако, что предупреждения «от христианства» многих оставят безучастными. Рассудим рационально, приземленно, как бы допустив, что «Бог умер» и отложив в сторону христианские ценности. На Западе Ницше начал этот тяжелый проясняющий разговор – ликвидацию того, что немецкий теолог и философ Романо Гвардини назвал «нечестностью Нового времени». Он писал в 1954 г.:

«Нечестность Нового времени – двойная игра, с одной стороны, отвергавшая христианское учение и устройство

жизни, а с другой – стремившаяся присвоить все, что они дали человеку и культуре. От этого в отношении христианина к новому времени оставалась постоянная неуверенность. Повсюду он сталкивался с тем, что было изначально присуще христианству, а теперь обращено против него... Теперь двусмысленности приходит конец. Там, где грядущее обратится против христианства, оно сделает это всерьез. Секуляризованные заимствования из христианства оно объявит пустыми сантиментами, и воздух наконец станет прозрачен. Насыщен враждебностью и угрозой, но зато чист и ясен».

Надо и нам хладнокровно прикинуть «достоинства и недостатки» кнута принуждения и пряника манипуляции и каждому определить: если уж любая власть – зло, то какое зло меньше именно для нашей культуры.

Посмотрим, повышается или понижается статус человека при переходе от прямого принуждения к манипуляции его сознанием. Даже в «войне всех против всех», ведущейся по правилам гражданского общества (конкуренции), объекты воздействия делятся на три категории: *друг, партнер, соперник*. Специалисты сходятся на том, что человек, ставший объектом манипуляции, вообще выпадает из этой классификации. Он – не друг, не партнер и не соперник. Он становится *вещью*.

Бахтин писал, что в отношении к миру и человеку в мыслях и действиях людей борются две тенденции: к овеществлению и к персонификации. В «примитивных» культурах была

сильна тяга к персонификации (для Дерсу Узала муравьи – «маленькие люди»). Анимизм, одухотворение вещей всегда присутствует в культуре даже очень развитых традиционных обществ. В технологии манипуляции сознанием мы видим, наоборот, крайнее выражение противоположной тенденции – к *овеществлению* человека. А. Тойнби писал:

«Нам достаточно хорошо известно, и мы всегда помним так называемое «патетическое заблуждение», одухотворяющее и наделяющее жизнью неживые объекты. Однако теперь мы скорее становимся жертвами противоположного – «апатетического заблуждения», согласно которому с живыми существами поступают так, словно они – неодушевленные предметы».

Поскольку это принимает массовый характер, результатом становится неуклонное и не осознаваемое снижение статуса человека. Разумеется, сначала это действует на человека, не входящего в элиту (она – манипулирует плебеями). Но затем этот порядок машинизирует, овеществляет человека вообще.

Таким образом, соглашаясь на построение в его стране порядка, основанного на манипуляции сознанием, каждый должен отдавать себе отчет в том, что с очень большой вероятностью его статус будет понижен. А значит, все обещаемые блага вроде гражданских свобод, ощущения себя хозяином и пр., превратятся в лишенные содержания побрякушки. А тот, кому повезет попасть в манипулирующее меньшинство,

станет одним из таких угнетателей своих соплеменников, которые вынуждены будут это угнетение наращивать и изощрять.

Тиран может подобрать – и ему будут благодарны. Но манипулятор этой возможности лишен – прозревающий человек приходит в ярость.

Можно ожидать, что переход к государственности, основанной на манипуляции сознанием, несравненно большее ударил бы по русской культуре, чем уязвил он Запад. Причина в том, что сама категория свободы по-иному сложилась в русской культуре. Иную, нежели на Западе, свободу искал и ищет русский человек. Для русской культуры характерно особое сочетание свободы духа и свободы быта. Напротив, довольно равнодушно относились русские к столь ценным на Западе политическим и экономическим свободам.

Н.Бердяев писал, что «Россия – страна безграничной свободы духа...», что ее русский народ «никогда не уступит ни за какие блага мира», не предпочтет «внутренней несвободе западных народов, их порабощенности внешним. В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадой земной прибыли и земного благоустройства... Россия – страна бытовой свободы, неведомой народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами. Только в России нет давящей власти буржуазных условностей... Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник – самый свободный человек

на земле... Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей».

Пока что нет оснований думать, что сегодня русские, бросившись в бизнес, захотят лишиться этого типа свободы. Наоборот, для большинства «новых русских» этот бизнес – новое приключение, скитание по неведомым далям. Это – во многом духовные, хотя и дорогостоящие и даже разрушительные искания. Русский буржуа из них не вырастает. Это – новый вариант русского бунта, поистине бессмысленного и беспощадного.

Отнять силой или купить у русских эту свободу духа и быта нельзя. Но выманить обманом – технически возможно. Этим сейчас и занимается целая армия специалистов.

Глава 4. Основные доктрины манипуляции сознанием

§ 1. Технология манипуляции как закрытое знание

Иногда говорится, что манипуляция сознанием есть *«колонизация своего народа»*. Постепенно, по мере накопления знания о человеке и его поведении, складывались доктрины манипуляции сознанием. Поскольку завоевание это тайное и успех в нем определяется умением «колонизаторов» не допустить организованного сопротивления, главные доктрины манипуляторов излагаются в туманной, завуалированной форме, в связи с частными косвенными вопросами.

Став инструментом буржуазных революций, манипуляция сознанием с самого начала получила щедрое финансирование класса собственников. Когда этот класс пришел к власти и создал свое принципиально новое, буржуазное государство, деятельность по манипуляции сознанием получила поддержку и защиту государства. Если полезно для дела, власти позволят бунтовщикам погромить мэрию или даже дворец президента, но никогда не пустят в телецентр.

Разумеется, господствующее меньшинство старается не

допустить массы к знанию доктрин и технологий манипуляции их сознанием. В основном это достигается щедрым вознаграждением «тех, кто с нами» и бойкотом «тех, кто не с нами». Всегда были ученые и философы, которым были противны повадки колонизаторов собственного народа. Но их было немного, и голос их удавалось утопить в шумовом оформлении. Но по крупницам собрать и откровения технологов этой власти, и наблюдения «тех, кто не с ними», мы можем. Их надо очистить от «шума», привести в систему, существенно прояснить вопрос.

Доктрины и развитые теории манипуляции сознанием сложились недавно, уже в XX веке, но главные камни в их основание были заложены уже теми, кто готовил буржуазные революции в Европе. Ведь фокус был в том, чтобы сделать эти революции чужими руками («пролетариат борется, буржуазия крадется к власти»). Надо было буквально натравить простого человека на «старый порядок». Во всех странах Запада, где произошли великие буржуазные революции, ученые, философы и гуманитарии внесли свою лепту в это программирование поведения масс. В Англии – ньютонианцы, которые из новой картины мира выводили идеи о «естественном» характере конституции, что должна ограничить власть монарха («ведь Солнце подчиняется закону гравитации»). Ученый и философ Томас Гоббс развил главный и поныне для буржуазного общества миф о человеке как эгоистическом и одиноком атоме, ведущем «войну всех против

всех» – *bellum omnium contra omnes*.

В наиболее чистом виде манипуляция сознанием как организованная кампания сложилась во Франции. Здесь общество было подготовлено к слому «старого порядка» полувековой работой Просвещения. Помимо великого дела по освобождению мышления человека и освоению им нового, научного мировоззрения, деятели Просвещения осуществили глубокое воздействие на сознание в чисто политическом плане. У той революции были вдумчивые наблюдатели. Один из них – англичанин Э.Берк. Свои наблюдения он собрал в книге «Размышления о революции во Франции». Вот что касается прямо нашей темы:

«Вместе с денежным капиталом вырос новый класс людей, с кем этот капитал очень скоро сформировал тесный союз, я имею в виду политических писателей. Немалый вклад внесли сюда академии Франции, а затем и энциклопедисты, принадлежащие к обществу этих джентльменов.

Писательские интриги несколько лет назад создали что-то наподобие регулярного плана разрушения христианской религии... Что не удавалось достигнуть на пути к их великой цели с помощью прямого или немедленного закона, могло быть достигнуто обходным путем – благодаря общественному мнению. Чтобы управлять общественным мнением, необходимо сделать первый шаг – оказать давление на тех, кто руководит. Они задумали методично и настойчиво добиваться этого всеми средствами литературной славы... Для вос-

полнения недостатков аргументации в ход пошли интриги. К этой системе литературной монополии присоединилась беспрестанная индустрия очернительства и дискредитации любыми способами всех тех, кто не вошел в их фракцию...

Писатели, особенно когда они действуют организованно и в одном направлении, оказывают на общественное мнение огромное влияние, поэтому лояльность этих писателей плюс денежный капитал были немаловажными факторами в устранении народной зависти по отношению к тем, кто оказался приобщенным к благосостоянию. Эти писатели претендовали на огромный энтузиазм беднейших слоев населения, в то время как в своих сатирах они с ненавистью представляли чрезвычайно преувеличенно ошибки суда, аристократии и священнослужителей. Они стали демагогами, связующим звеном союза отвратительного благополучия с беспокойной и доведенной до отчаяния бедностью».

Во Франции денежные тузы привлекли литераторов и ученых, и они так воздействовали на общественное мнение, что сумели «отключить» естественное недоброжелательство бедных слоев народа к плутократам и натравить городскую бедноту на все устои старого режима. В своем роде это – блестящее достижение ума и слова. Орудием богачей стало именно то, что им враждебно, – стремление человека к равенству и справедливости.

Поскольку «властители дум» образовали сплоченное сообщество, в нем довольно быстро возникло самосознание и

началась теоретическая работа. Так во Франции впервые появилось слово *идеология* и была создана влиятельная организация – «Институт», в котором заправляли идеологи. Они приняли в члены Института поднимающегося к власти Наполеона. В свою очередь, и он правильно оценивал важность этого союза и, будучи уже членом Директории, подписывался «Наполеон Бонапарт, член Института».

Отметим, что уже первые специалисты, которые называли себя идеологами, определили две главные сферы духовной деятельности человека, которые надо взять под контроль, чтобы программировать его мысли, – *познание* и *общение*. В том «курсе идеологии», который они собирались преподавать правящей элите Франции, было три части: естественные науки, языкознание («грамматика») и собственно идеология. Итак, основа, в которую надо закладывать свои идеи-вирусы, построена из знаний о мире (и самом человеке) и из обмена сообщениями (информацией).

Именно в ходе Французской революции идеологи нового общества поняли, что главным средством власти будет в нем *язык*. Здесь сознательно пошли на планомерное, как в лаборатории, создание нового языка. Первопроходцем здесь был Лавуазье, который создал язык химии, но философское значение этого далеко выходило за рамки науки (кстати, английских богобоязненных химиков смелость Лавуазье ужаснула).

В то же время было осознано влияние на мысли людей ко-

личественной меры, *числа*, заменяющего наполненные тайным, неподконтрольным смыслом качества. И одним из первых крупнейших дел Французской революции в создании нового мироощущения для масс была разработка метрической системы мер. В ней участвовали виднейшие ученые и идеологи. С помощью этой системы мер были связаны сферы познания и языка. С помощью этого нового «языка точности» правящий слой стал господствовать над мыслями и словами о самых фундаментальных категориях бытия – пространстве и времени. Видный французский философ Мишель Фуко, который взялся за «раскопки смыслов», создавших современный Запад, утверждает определенно: «язык точности» (язык чисел) совершенно необходим для «господства посредством идеологии».

Тогда же современное общество стало создавать важнейший для господства класса собственников механизм – *школу* нового типа. Эта школа с первого класса делила поток учеников на два «коридора» – одни воспитывались и обучались так, чтобы быть способными к манипуляции чужим сознанием, а другие (большинство) – чтобы быть готовыми легко поддаваться манипуляции. Школа стала фабрикой, «производящей» классовое общество.

Весь XIX век – это история того, как идеологи всех направлений (но все в рамках одной общей платформы – индустриализма, основанного на вере в прогресс и законы общественного развития) черпают доводы из неиссякаемого ис-

точника, науки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.